

18+

ТИМЕРХАН АБУТЪЕВ

ЧУДАК.

Тимерхан Абутъев

Чудак

«Издательские решения»

Абутьев Т.

Чудак / Т. Абутьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-647568-7

Поток мыслей студента, короткие рассказы и мысли, эмоции и чувства, вылитые в тексте. Некий дневник, сопровождающий первый курс обучения в университете.

ISBN 978-5-00-647568-7

© Абутьев Т.
© Издательские решения

Содержание

15.10	6
15.10	7
23.10	8
25.10	9
26.10	10
27.10	11
28.10	12
01.11	13
03.11	14
05.11	15
06.11	16
06.11	17
08.11	18
09.11	19
09.11	20
10.11	21
11.11	22
12.11	23
12.11	24
14.11	25
16.11	26
18.11	27
19.11	28
20.11	29
20.11	30
23.11	31
10.12	32
11.12	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чудак

Тимерхан Абуьев

© Тимерхан Абуьев, 2024

ISBN 978-5-0064-7568-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

15.10

в детстве легче было: приказал отец утопить новорожденного брата – выполняешь без лишних слов.

а утопить надо было, потому что император прошёлся по нашим землям, кушанья не было, нечем кормить было малютку.

до сих пор стыдно...

15.10

– братец, а помнишь время, когда мудрецы свободно по улицам ходили да люд просвещали?

– помню, брат, помню.

– а помнишь, комаров живых в молоко окунали мы, пили напиток целительный да древесной корой закусывали?

– и это помню. себя только я забыл, всё как в тумане...

23.10

когда ливанские продавцы гашиша похитили меня и продержали в подвале несколько недель без еды, когда они пичкали меня разными веществами и заставляли погружаться в глубины воспалённого разума, отделённого от оболочки, летающего вдали, оторванного от материального мира из-за воздействия психотропов, когда они приводили разъярённых собак, которые отрывали от меня куски плоти и обгладывали мои кости, когда я разложился, сгнил, когда мои останки стали убежищем для мерзких личинок, когда я лишился тела, лишь тогда я понял, что свобода – это свобода мысли, и ничто не остановит человеческий разум и душу.

25.10

а почему огня я боюсь? дедушка мой любил вырезать человечков из дерева. вечерами сидел да работал. мог пару дней из коморки не вылазить, бабушке приходилось ему еду оставлять. он диким зверем глядел на неё, сжимая в руках деревянный брусок и стамеску. тёплый свет керосиновой лампы так искажал его лицо, что бабушке виделось в нём даже что-то бесовское: «глаза нездорово блестят, улыбка страшная, морщины все опухшие какие-то, а слюнки-то, слюнки у него текли...»

набралась целая кладовая этих человечков. но никто не знал, что дедушка мой наделяет их душами. среди них и я оказался.

умер вскоре дедушка, молодёжь пришла наследство смотреть да стали они жечь мусор весь. и людей деревянных тоже за мусор сочли. помню я, как кричали братья мои, какая агония разрывала их тела хрупкие. я-то спрятаться успел, в дырку в полу провалился и лежал на земле. от сырости гнить я начал, брожу тут под избушкой, с крысами дружу.

26.10

и он подумал:

«почему бы какому-нибудь мигранту не взорвать автобус, в котором я еду? почему бы ему не взять ответственность за освобождение меня от земных оков? ну почему в его спортивной сумке лишь носки, трусы и блокнотик, а не взрывное устройство?»

и он смеялся, хотя хотел плакать.

когда шёл по пешеходной улице, а холод раздирал его нутро (холод дарил ощущение жизни), он поздоровался со съёжившимся, сидящим на мусорке воробушком:

«привет, малыш».

его бы обрадовал хрустящий снег под ногами, но его не выпало достаточно за ночь.

и он шёл с улыбкой на лице и плакал сухими слезами.

27.10

шёл старик, для которого существовали только брусчатка под ногами, палка в руке и завывающий ветер. он был слеп и находил в этом свою силу. отказавшись от зрения, старик перестал переживать обо всём, ему было наплевать на всех. он находил умиротворение в неведении.

так продолжалось до тех пор, пока не появился голос, отзывающийся в мозгу красноватым пятном, немного поблёскивающим и довольно густым. старик не мог распознать источник голоса, который сопровождал его везде и даже заходил с ним в дом. старик сотрясал воздух своими дряхлыми руками, пытаясь схватиться за издающий звуки объект, однако попытки оканчивались неудачами. так он разнёс свою квартиру, из-за чего пожаловались соседи.

когда мы с напарником приехали на вызов, я зашёл в квартиру первый и обнаружил старика с консервной банкой, привязанной к его левой лодыжке. он лежал на полу, мёртвый, придавленный кухонным гарнитуром.

28.10

– молись, чтобы они не заглянули в эту траву, молись, щенок, молись. умоляй Богов, чтобы они прошли мимо.

– у меня сломаны обе бедренные кости.

01.11

когда ночью в детстве я приходил на речку понаблюдать за тем, как степные жители возводят стену вокруг нашей деревни, да такую высокую, что встань я на семь изб, всё равно бы не перепрыгнул её, тогда я познакомился с Аркашей.

мальчуган хороший был, на год старше меня. родителей у него не было, поэтому Аркаша спокойно ходил за стену. да и кровя у него не было, даже не знал я, где ночевал он.

мы с ним часто бесились, лепили грязевых големов и устраивали бои между ними, купались на речке, вместе древесную кору ели да пили берёзовый сок.

так продолжалось, пока не достроили стену. она окружала всю нашу деревню так, что солнце освещало крыши домов только тогда, когда было в зените. Аркаша перестал появляться. я подумал, что он утонул, а его гнилой труп обгладывают улитки. но всё оказалось иначе.

был самый обычный день, когда врата открылись и вошло войско последователей церкви Аль Муштакара. их возглавлял маленький человек на коне.

только когда они сжигали людей и пришла моя очередь прыгать в костёр, только тогда я признал в их предводителе того самого Аркашу.

03.11

они приходят тогда, когда твой мозг перестаёт осознавать себя как отдельный разум, когда твоё сознание сливается с бесконечным потоком информации и энергии, витающими в воздухе, когда ты теряешь смысл. потерять, отказаться от него – самое сложное; гораздо проще найти.

вот и они, уже рядом. я вижу аморфные макаронины, переливающиеся всевозможными цветами, они не остаются в одном моменте времени, они есть всегда; я вижу в них своих первобытных предков, чья кровь бурлит во мне, вижу неподвластные леса, непостижимые горные хребты, которые или давно стёрты с лица земли, или им ещё предстоит сформироваться. я вижу своего нерождённого сына и улыбаюсь.

вдруг осознаю – это не я вижу. я и есть аморфная макаронина. я есть всё и ничто. в детстве я уже видел их, а сейчас понял, что видел сам себя.

05.11

горячий чай разливается по телу, но в груди тепло не от этого. какие-то гелиевые шарики внутри грудной клетки, они будто поднимают меня, и я не сопротивляюсь, я хохочу от щекотки изнутри, улыбаюсь и закрываю глаза, растворяясь в ощущениях.

06.11

я мчался сквозь звёзды, мороз щипал моё лицо. я мягко скользил по космической глади, уворачиваясь от комет и астероидов. иногда пролетающие мимо звёзды, смазанные в однородную массу от скорости, с которой я бежал, обжигали меня, но я не останавливался, это наоборот заряжало меня – дальше, быстрее, глубже в космос, к началу времён! в руках у меня была буханка хлеба, которую я нёс к ним. хлеб – жизнь, он спасёт их. пшеница да вода – рецепт спасения целой цивилизации! я выходец с Богом забытой планеты, на которой камни да пещеры, и я спущусь к ним, чтобы не дать погибнуть! только дождитесь. дождитесь! я не позволю космической тьме растворить мой разум, холоду разъесть моё тело, жару поглотить душу. во имя вас. во имя Вас!

06.11

«вы хотите сказать, за выход из метро теперь тоже надо платить?!» – такова была моя последняя мысль перед тем, как я навсегда остался в этом месте. теперь я обречён бродить по подземным тоннелям в поисках выхода. поезда давили меня, дробили кости, но я всё равно вставал и продолжал искать. тоннели становятся темнее, кажется, я ухожу всё глубже. я слышу шелест крысиных лапок, звуки капель, смеющихся людей в стенах. людей. за мной наблюдают. они всё подстроили, очень удачный розыгрыш. гады, вам не сломить меня. в моей душе горит всепоглощающий огонь, он освещает мне путь. я выберусь отсюда, даже если придётся разобрать всю ветку метро на кирпичики, даже если поезда передавят меня тысячу раз и я превращусь в обезображенную мясную массу, вам не сломить меня, я буду медленно шагать по рельсам, а в каждом моём шаге будут кипеть бессмертные надежда и вера, ведь мною движет любовь ко всему сущему, даже к вам!

08.11

я сижу в своём джипе и в зеркале заднего вида вижу мужчину лет 30 с бритой головой и щетиной, он в очках. я их поправляю. толпа звереет, они трепещут предо мной. их ладони скользят по стёклам автомобиля, я слышу дикие возгласы. наконец я дёргаю за ручку, доносятся щелчок, дверь открывается, и меня слепит солнце. толпа расступается.

мне тяжело простить человека по имени Махатма Дешмукх. он определил всю мою жизнь до моего рождения. ненавижу ли я его? возможно. он был проповедником в местном храме, проводил в медитациях недели, а когда возвращался в материальный мир, люди внимали его сказаниям.

когда Дешмукх был на грани смерти, он назвал точную дату моего рождения, вплоть до минут, и сказал, что переродится мной и продолжит вливать мудрость в головы простых смертных.

люди ждали несколько лет... и, наконец, дождались – с моего появления на свет меня боготворили, показывали мудрецам, отправляли в монастыри, заставляли читать писания Дешмукха с ранних лет.

толпа расступается, у каждого человека в руках белая лента. они начинают цеплять её друг за друга и формировать единое существо, единое сознание.

помоги мне, Боже! – думаю я, когда иду к храму, а толпа расступается, будто вода перед Моисеем.

если я и правда Махатма Дешмукх, то я не хочу больше перерождаться. по крайней мере не человеком. я должен прекратить эту безумную и бессельную цепь рождения проповедников. мне надо разрушить эту секту, эту систему...

толпа подхватывает меня и поднимает к небесам, волны человеческих рук несут меня к храму. я не в силах сопротивляться.

09.11

на крыше остановки, скрестив ноги, сидел обнажённый молодой человек. он существовал здесь одновременно и летом, и зимой, поэтому его обдувал ледяной, пронизывающий каждую косточку ветер, вызывая дрожь, а снежные хлопья облепляли его слабое тело, но в то же время солнце сжигало его кожу, оставляя страшные ожоги, а пот тёк с него ручьём.

я не люблю носить ни перчатки, ни солнечные очки. они ограничивают меня, закрывают от мира. я хочу видеть мир таким, какой он есть, ощущать его кожей своих рук, чувствовать прикосновения. несмотря на то, что мои руки леденеют, сохнут и трескаются до крови, несмотря на то, что солнечные лучи сжигают глаза... я не люблю носить ни перчатки, ни солнечные очки.

так он думал, даже когда думать было уже физически больно, когда мысли материализовывались и разрушали клетки тела, напрямую влияли на мир реальный, ложась отпечатком на всё, о чём думал человек.

автобусы проезжали мимо, унылые и уставшие люди не замечали странного парня на крыше остановки, чему он был одновременно рад, но чем был и огорчён. слёзы текли из глаз, но щёки были сухие.

09.11

«я прям сейчас брошусь под машину» – выпаливаю я, делаю шаг и чувствую сильный удар и громкий хлопок. тупая боль расплывается по телу, тьма быстро застилает глаза. несколько секунд я провожу в невесомости, в это время мои конечности свободно болтаются в воздухе и... мне является Космос. его пришествие длилось не более четверти секунды, но я успел запомнить всё. глубочайшая тьма, которая таит в себе всё сущее, которая манит. это та самая непостижимая для человеческого разума бесконечность. приблизившись к смерти, подойдя к краю так близко, я сломал предохранитель в своей голове. бесконечность в своём истинном обликии – я жаждал увидеть её всю свою жизнь, но мне мешала оболочка.

...а потом жёстко приземляюсь на асфальт, слышу хруст своих костей, меня пронзает острая боль, будто внутри меня образовались сталактиты, которые стали впиваться в мясо.

прикованный к инвалидной коляске дурак не может выкинуть из головы видение. он, не имея сил пошевелиться, смотрит в одну точку на ковре, висящем на стене. по подбородку его стекает слюна.

10.11

автобус ПАЗ-3205 едет по поверхности солнца. мне так жарко, иногда кажется, что салон плавится.

– и зачем надо было съезжать с маршрута!?! – кричу я водителю и бью кулаком по стеклу. он даже не оборачивается, закуривает сигарету и молча продолжает путь.

– чёрт тебя побори! – мне тяжело дышать от духоты, слышу, как пульсируют мои виски. вижу за окном термоядерные процессы, ослепительные вспышки света. совсем рядом с автобусом поверхность солнца выплёвывает плазму на десятки и сотни тысяч километров вверх, так далеко, что глазам тяжело смотреть.

– тут хотя бы не слякоть, – бормочу я, вытирая пот со лба.

– это точно, – отвечает мне старик в шапке ушанке и, как мне показалось, порванной куртке.

– старче, – говорю я. – не жарко?

он лишь ухмыляется.

– и почему всем надо меня игнорировать? – булькает в моей голове мысль, в то время, как старик начал продвигаться поближе к кабине водителя, откуда исходил табачный дым. только когда он дёрнул за ручку дверцы, я заметил поблёскивающий предмет в его руке.

– чёрт пришел, – думаю я.

11.11

доверься доверься доверься
доверься Вселенной, доверься Богу, доверься Господу, доверься энергии, что бороздит
просторы этой бесконечности, что пронизывает всех существ в Мире, что течёт в тебе и фор-
мирует реальность, что есть Ты и что есть все, доверься всем, доверься себе
заклинаю тебя – доверься
доверься доверься доверься

12.11

сизу на скамейке, пью горячий пунш. на улице что-то между нулём и минус одним градусом, в общем, пар изо рта имеется. наконец-то синее небо открылось спустя много серых, тоскливых дней. люди, освещённые солнцем, отчего я вижу интересную окантовку на их силуэтах, проходят мимо и сквозь меня. я делюсь своим пуншем с каждым, мне не жалко. я не хочу, чтобы кто-то мёрз или болел. я знаю, как это. кто хочет – подходите, отпейте. на дне он такой сладенький, так что последним, самым стеснительным, скромным или опоздавшим очень повезло. какой горячий напиток, даже руки обжигает. я хочу поделиться пуншем из-за стремления помочь людям или из-за того, что хочу оставить свои руки целыми?

– а зачем вообще что-то выбирать? – говорит парящий в воздухе младенец в длинных одеяниях.

– а ты мудрец, да? – отвечаю я.

– я просто всех любил.

я откидываюсь на спинку скамейки, допиваю пунш, встаю и иду прочь. я хочу бороздить снежные леса. немного отдохнуть надо, понимаешь, мудрец?

– да.

мне даже вслух не надо говорить, чтобы это создание меня понимало. как хорошо.

я отдохну в гармонии с природой, освобожусь, а потом вернусь к людям с любовью.

12.11

– я видел чёрных дельфинов. они плавают под асфальтом, каждый раз пугаясь поездов из метро. но им нравится бояться. нравится страдать. я не уверен, что кто-то их вообще поймёт, они и не ищут понимания. в чём вообще их смысл. некому их даже пожалеть, потому что никто, кроме меня, их не видел. никто их не выдумал, кроме меня. зато я знаю о них. и вы теперь знаете. видите? отныне вы будете изредка вспоминать о чёрных дельфинах, что сопровождают поезда метро, может, будете задумываться о них, не зная, точно ли они существуют. может, поймёте, что так и работает реальность.

– пожалуйста, доедай уже свою кашу, Ваня! – крикнула уставшая и заплаканная женщина на пятилетнего мальчика за столом, после чего она зарыдала.

в дверном проёме сидел мужчина с сединой, обхвативший свою голову руками. его плечи иногда содрагались, пальцы копошились в волосах.

– вы оба плачете из-за чёрных дельфинов?

14.11

маленькие обезьянки прыгали по моим ресницам. они издают такие смешные звуки, так что я не могу сдерживать хохот. вдруг замечаю, как все вокруг пялятся на меня, стараюсь не сталкиваться с ними взглядами. но вот случайно я попался. мужчина с большим чёрным пакетом в руках подходит ко мне, не спуская с меня глаз, кладёт руку на плечо и сдувает всех мартышек с моих ресниц.

– чего плохого я тебе сделал? – глаза наполняются слезами. – какое тебе дело до меня?!

я вижу глубокие морщины на его лице. они не настоящие, я знаю. может тело его состарилось и скукожилось, но душа осталась малюсенькой, скупой. в его глазах даже нет отблеска пустоты – знака приближающейся смерти. потому что молодая душа не может предчувствовать кончину своей оболочки!

по моим щекам текут слёзы, капают вниз и разбиваются с оглушительным треском. я вытираю лицо и убираю руку мужчины со своего плеча.

– послушай, – говорю я. мужчина наклоняется к моему горящему сердцу и стоит так с полминуты.

– слышу, – говорит он и начинает рыдать.

16.11

эта сущность покинула меня. я перестал чувствовать руки, перестал чувствовать перо, вес чернил, ничего меня не слушается, тело будто чужое. почему оно всё дрожит?.. не могу напиться воды, она стекает по подбородку, капает на пол, расплзается во все стороны. стакан крошится в руке, оставляя порезы, хотя я даже не брал его со стола. мои глаза смотрели наизнанку, а сейчас видят мир таким, какой он есть. мои глаза смотрели внутрь, но сейчас, видимо, их ослепил жар сердца и атомное излучение моей души. это временно. немного отдыха, немного созерцания обыденности, немного... я задыхаюсь от нетерпения, жадно глотаю воздух, но его недостаточно. раз так, я буду выковыривать странные символы на камнях и дереве, буду резать свои вены и писать кровью, буду рисовать знаки палкой на песке, буду собирать из созвездий на чёрных небесах слова и предложения, буду отрывать от себя куски мяса и складывать буквы, я буду щекотать море, чтобы оно говорило волнами за меня, буду разговаривать с огнём, буду петь песни ветру, буду биться головой об стену и вмятинами оставлять послания, буду бежать навстречу снежной лавине, чтобы она поглотила меня и выплюнула хоть одно слово, хоть один звук. скоро я верну контроль над телом, скоро Она вернётся оттуда и будет писать моими руками, смотреть моими глазами, говорить моими устами.

или же нет никакой Музы!?

18.11

я проснулся на деревянном полу. в печке трещат дрова, приятно пахнет вениками. с потолка свисает горящая лампочка на проводе, из приоткрытого окна ничего не видно, кроме тёмно-синих небес, но слышно сверчков.

я же не был здесь, кажется, целую вечность...

я оглядываю баню, тихо дышу. как здесь спокойно. я встаю, шлёпаю ногами поближе к печке и сажусь около неё. сквозь щёлки в дверце вижу пекло. тепло. мне тепло.

я долго так сидел, пока в окне не заметил бледнеющие звёзды и золотистый свет на горизонте. я встал, прошёлся, пощупал банные шапки, висящие на крючках, пошуршал сухими листьями дубовых веников, и, наконец, подошёл к двери. положил ладонь на ручку и почувствовал нечто мягкое и тёплое в груди. свою душу. ликующую душу, душу, бороздившую просторы земли сотни тысяч раз, но не перестающую трепетать перед всем, душу, страдавшую миллионы лет и пребывающую в счастье миллиарды, душу, прошедшую лёд и пламень, познавшую и горечь, и радость, бесконечную душу. и сейчас она ликовала.

я уже и забыл это место,
где так
уютно
хорошо
тепло

19.11

тёмно-зелёная, даже немного синеватая листва, сквозь которую пробивается холодный лунный свет. его поток изредка прерывается скользящими тучками. по листьям стучат крошечные жемчужинки дождя, скатываются и падают на землю.

я видел её капюшон и торчащие из него волоски. её силуэт подсвечивался луной. она куда-то спешила, топала сапогами по сырой земле, сумка её, полная разных колб, дребезжала и дзынькала, а содержимое сосудов, кажется, булькало.

я видел потом его, такого низкого, неуклюжего. длинная седая борода, плащ волочащийся по земле и собирающий всю грязь. он шёл с корзинкой, куда складывал грибы. грибы были самых причудливых форм, размеров и окрасов, а из-за капелек на них, они ещё и очень красиво блестели. вот он никуда не спешил, спокойно бродил меж деревьев, каждому из них кланялся.

ещё я видел рыцаря, облачённого в тяжёлые доспехи. он влачил длинный меч за собой. такую усталость и отчаяние увидел я в этом жесте. хоть рыцарь и был в шлеме, я знал, что он плачет. его доспехи тоже плакали. и не путайте это с каплями дождя. мне было очень жалко этого бродягу, но вскоре он скрылся из-виду.

я дерево в этом лесу, стою и наблюдаю. интересная жизнь, согласитесь.

20.11

Васька старался доесть пшеничную кашу, но с каждой ложкой ему становилось всё тяжелее и тяжелее. он чувствовал, как атомы его тела начинают расщепляться, а сам он мерцает в других мирах.

вспышка! и Васька оказался в густой жидкости. его затмевала тень несколько километрового создания, проплывающего где-то далеко наверху. Ваське еле удавалось шевелить своими конечностями, настолько плотная была жижа. вдруг он начал задыхаться, из груди доносились острые порывы открыть рот и вдохнуть. невероятных размеров создание проплыло достаточно, чтобы свет проник в толщи жидкости.

вспышка! Васька резко вдыхает, старается ухватить как можно больше воздуха своим ртом. его обдувает сильнейший свирепый ветер, сам он падает непонятно где, вокруг только тёмно-фиолетовые облака и мерцающие розовые пятна, в которых вырисовываются остроугольные силуэты молний. воздух заполняют свист ветра и беспрестанные треск и гром. Васька свободно болтается в воздухе, не имея возможности ухватиться ни за что.

вспышка! Васька падает на колени на обжигающий материал. похоже это что-то металлическое. он тяжело дышит, осматривается. вокруг бесконечные плиты этого металла и парящие в воздухе высокие столбы. Васька чередует ноги, чтобы не обжечься, и в то же время следит за странными строениями. он замечает на них лица. строгие, непоколебимые, пристально следящие за... за ним. их взгляды направлены на Ваську. он начинает задыхаться от волнения.

вспышка! Васька стораеt внутри ядра Богом забытой планеты!

вспышка! Васька в бездне, вокруг кричат одноглазые вечные истуканы!

вспышка! Васька в небытии, по голове его гладит Иисус Христос, а рядом пророк Мухаммад говорит!

вспышка! Ваську обгладывают шестипалые твари!

вспышка! Васька в открытом космосе, он слышит шёпот межзвёздных червей!

вспышка! Васька за обеденным столом доедает кашу.

20.11

ей очень нравилось медитировать. погружаясь в глубины своего подсознания без водолазного костюма, она любила впустить в лёгкие побольше прохладной пустоты, ощущающейся как тёплая струя воды из крана тёмным зимним утром. ещё ей нравилось представлять себя Макаром.

Макар, на плече которого висела винтовка, почесал свою седую щетину, выпил воды из фляги и резким движением запрыгнул на вороного коня. он долго глядел на серое небо, разрывавшееся снарядами вражеской армии. в этих разрывах выглядывало солнце. Макар щурился, его грубое лицо с паутинками морщин выдавало в нём бывалого человека. он прищпорил коня и помчался навстречу летящим пулям. крики солдат, свистящие снаряды, пыль и грязь, летящие отовсюду. прыжок через окоп, ещё и ещё. Макар будто оседлал сам ветер. оставаясь неуязвимым, он взял винтовку. несколько выстрелов, несколько пуль унесли несколько человеческих жизней. Макару, чьё лицо уже было испачкано кровью и грязью, было необходимо доставить жизненно важное послание командиру девятой гвардии. он слышал тяжёлое дыхание своего коня, видел и чувствовал как напрягаются его мышцы, сердцебиения человека и зверя слились воедино. вдруг жгучая боль пронзает грудную клетку Макара, и он на ходу сваливается с коня. несколько хриплых вдохов, несколько разорвавшихся рядом снарядов, просвистевших над головой пуль, и картинка темнеет. темнеет. темнеет.

опять неудача. уже несколько лет она пытается доставить послание командиру гвардии, но каждый раз погибает. её мучает вопрос, что будет дальше. но готова ли она узнать? готова ли повлиять на настоящее, изменив прошлое?

это я. я не могу позволить последователям церкви Аль Муштакара захватить Москву и оставить на её месте голое поле. я всеми силами сдерживаю её. надеюсь, она ещё не скоро осознает мощь, которой обладает. к этому моменту я постараюсь что-нибудь придумать.

23.11

Вова облокотился на перила своего балкона на 9 этаже. он стоял в одной полосатой футболке, хотя с неба падали редкие снежные хлопья, пронзаемые яркими солнечными лучами. Вове нравилось смотреть, как в воздухе растворяется пар, выходящий изо рта, как он сливается со всей холодной гущей пространства, со всей материей. он наклонил голову, стал наблюдать уходящее далеко вниз множество разрушенных балконов. только его, тот, что на 9 этаже, последний, был целым.

Вова вошёл в квартиру, запустив с собой холодный воздух. на кухне сидели лысый, болезненно выглядящий мальчик, который ел печенья, окуная их в горячий чай, и толстый старик, играющий на потёртой гитаре.

– Вова, я этим не наемся, – увидев мужчину, сказал мальчишка.

Вова не отвечал, стоял и смотрел на тусклую люстру.

– Не наемся, – повторил мальчик дрожащим голосом.

– Послушай, Саша, – сказал Вова, потёр лицо руками и сел на табуретку, тяжело вздохнув, – пока только так. Пока играет его мелодия, – он указал глазами на старика, – только так...

Его голос наполнился многотонной усталостью и смирением. Саша так долго держал печенье в чае, что оно развалилось и утонуло в чашке. Мальчик тихо заплакал. Старик то медленно перебирал струны своими жирными пальцами, то брал какой-то минорный аккорд, вздыхал и снова продолжал играть.

Вова опять вышел на балкон, на теле его выступили мурашки. Послышался треск, посыпалась пыль. Вова нахмурился. Балкон обвалился вместе с ним, лететь пришлось недолго.

Хааа... – вздохнул Вова, сжимая холодный, обжигающий руки снег. И такое облегчение наступило, так легко в груди стало. Он встал и пошёл.

10.12

пальцы сейчас отмёрзнут. до боли холодно, будто в воздухе витают ледяные микро-иголки. я чувствую лёд на своих ресницах. трамвай ещё не едет. стоя на этой остановке, я застал эволюцию человека. опять о вечном. зачем. вот приехал трамвай. сел. пусто. один мужик. страшные звуки. теперь не о вечном – вообще ни о чём. даже не о пустоте. в пустоте и то больше смысла. что же придумать. что же... о страшных звуках – скрипят колёса по рельсам, гудит металл, шепчет мне что-то, а потом рыдает, рыдает. я не хочу слушать рыдания метала, хочу радоваться. атмосфера тут угнетающая. то что надо, когда у тебя температура. тем-пе-ра-тур-ный бред. не хочу бредить. интересно: чёртики летают, а по ступенькам какая-то жижа подползает к моим ногам. отбиваюсь ото всех. зря я сел так близко к к окну, тут откуда-то дует. теперь вообще бессвязный поток мыслей. бес-связ-ный. тот мужик отвечает, что связь во всём есть. даже в том, что он сейчас вылезет из конуры. какой. такой. где собаки живут. он собака? не собака. зачем конура? хватит. слишком бессвязно, слишком абстрактно, слишком нелепо. просто хочется хоть что-то написать, поэтому цепляюсь за все мысли, которые плавают в глубокой тарелке. а я их ложкой и так, и так. вкусно. а мужик таки... да всё равно на мужика. у меня вообще затылок мёрзнет. надо шапку потеплее надевать. морозы тут сильные, выматывают до изнеможения. холод забирает силы. щиплет. отмёрзнут. мёрзнут.

11.12

– где же этот выключатель... – бормочу я, в темноте шаря по обледенелой стене.

вдруг пальцы находят маленький рычажок, и я дёргаю за него. несколько раз свет мигает, а потом включается, комнату наполняет механический голос, прерываемый помехами:

– запуск программы.

я стучаюсь рукой о стекло скафандра, желая почесать нос. забыл. я слышу гул заработавшего генератора тепловых потоков. просто обогреватель – эти научные термины ввелись в мой мозг после пяти лет обучения в инженерной академии. вижу, как лёд, выросший горами на стены, тает. смотрю в иллюминатор – бескрайние снежные просторы, два солнца на горизонте и пугающе близко расположенные спутники этой планеты, будто гиганты, титаны, висят в небе.

я надеялся, что «камар-II» будет пригодной для жизни. мне так говорили. мне обещали... но тут лишь безжизненные поля изо льда и снега. каждые 15 лет я выхожу из гипер-сна, чтобы обслужить свою станцию. больше ничего.

пока я жду, когда отогреется этот отсек, я возвращаюсь в главное строение. шлюз. разгерметизация. у меня есть не больше минуты, чтобы перебежать отсюда туда. этот инженерный скафандр не предназначен для таких температур.

в кухне горит тёплый свет, мои шаги отзываются в металлическом полу еле ощутимой вибрацией. как же хорошо освободиться от скафандра. грею контейнер с пресованной фасолью и тушёнкой, завариваю кофе. боже, как же вкусно пахнет. наслаждаюсь прикосновениями к горячей кружке. кофе настолько тёмный, что я, кажется, вижу свои воспоминания в отражении этой жидкости. глоток разливается по моему нутру приятными потоками. фасоль и тушёнка кажутся пищей богов после 15 лет сна.

неделю я бодрствую. станция обслужена. снова пора спать. или не стоит... может нужно потратить все свои запасы? съесть и выпить всё, втянуть в себя весь кислород, насладиться перед концом. в чём смысл его оттягивать? про мою планету никто и не вспомнит. мой сигнал о помощи затерялся в бескрайних просторах космической тьмы, да и передатчик давно сломался. сердце дрогнуло, когда я понял, что это моё 21-ое пробуждение...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.